

Научная статья
УДК 94(100)“1914/19”; 94(436).08
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-574-584

Социально-демографическая структура лагеря для интернированных лиц Талергоф (1914–1917)

Александр Романович ЮРЛОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
yurlovsasha@mail.ru

Аннотация. Лагерь для интернированных лиц Талергоф стал местом заточения многих тысяч представителей русинского населения Австро-Венгрии в 1914–1917 гг., однако исторического портрета узника этого лагеря в научном мире все еще нет. Создание базы данных сведений об известных узниках Талергофа позволило воссоздать социально-демографическую структуру лагеря. Установлено, что лишь каждый десятый узник лагеря являлся последователем русофильства. Проведенная работа позволила составить портрет среднестатистического узника и в ряде случаев воссоздать путь, приведший его в Талергоф, а также выявить ключевые причины смертей в лагере. Благодаря этому были подвергнуты сомнению предположения В.Р. Ваврика о насильственной гибели свыше 3000 узников в стенах лагеря Талергоф. Проведенное исследование заполняет ряд существенных пробелов в историографии русофильского движения в годы Первой мировой войны. Так, и в отечественной, и в зарубежной историографии до сих пор нет единого мнения об институциональной сущности лагеря Талергоф. Восстановление его социально-демографической структуры, а также исторического портрета узника лагеря позволяют сделать обоснованные выводы о том, что лагерь не являлся концентрационным, а его жертвами стали лица, непричастные к русофильским политическим преступлениям против австро-венгерской монархии в годы первого мирового конфликта. Полученные выводы позволяют дополнительно активизировать научные дискуссии об историческом месте русофильского вопроса в структуре российско-украинских отношений и его значении для актуальных политических событий.

Ключевые слова: Талергоф, русофильство, Первая мировая война, Австро-Венгрия, интернирование

Для цитирования: Юрлов А.Р. Социально-демографическая структура лагеря для интернированных лиц Талергоф (1914–1917) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 574-584. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-574-584>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-574-584

Social and demographic structure of the Talerhof internment camp (1914–1917)

Aleksandr R. IURLOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
yurlovsasha@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Юрлов А.Р., 2022

Abstract. The Talerhof internment camp became the place of imprisonment of many thousands of representatives of the Ruthenian people of Austria-Hungary in 1914–1917, however, there is still no historical portrait of the prisoner of the camp. The creation of a database containing information about the prisoners of Talerhof made it possible to recreate the socio-demographic structure of the camp. As a result of the study, it was found that only every tenth prisoner of the camp was a Russophile. The research made it possible to compile a portrait of an average prisoner and, in some cases, to recreate their path to Talerhof, and to identify the key causes of deaths in the camp. The assumptions of V.R. Vavrik about the violent death of over 3,000 prisoners in the Talerhof camp were called into question. The study fills a number of significant gaps in the historiography of the Russophile movement during the First World War. For instance, in Russian and foreign historiography there is still no consensus on the institutional status of the Talerhof camp. The restoration of its social and demographic structure, as well as the historical portrait of the camp's prisoner, allows us to make a reasonable conclusion that the camp was not a concentration camp, and Thalerhof's victims were people who were not involved in Russophile political crimes against the Austro-Hungarian monarchy during the First World War. The results make it possible to intensify scientific discussions about the historical status of the Russophile issue in the structure of Russian-Ukrainian relations and its significance for current political events.

Keywords: Thalerhof, russophilism, First World War, Austria-Hungary, internment

For citation: Iurlov A.R. Sotsial'no-demograficheskaya struktura lagerya dlya internirovannykh lits Talergof (1914–1917) [Social and demographic structure of the Talerhof internment camp (1914–1917)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 574-584. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-574-584> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии лагерь для интернированных лиц Талергоф давно закрепился как место содержания исключительно русофильски настроенных подданных австро-венгерской монархии. Доступные исследователям источники, среди которых особенно выделяются немногочисленные воспоминания бывших

узников лагеря и «Талергофский альманах», лишь отчасти приоткрывали внутреннюю социальную структуру лагеря.

Благодаря оцифровке в 2009 г. и появлению в открытом доступе трудов львовского историка Р.Д. Мировича, который сумел за десятилетия кропотливой работы собрать данные о девяти тысячах узников лагеря Талергоф, появилась возможность определить среднестатистический облик талергофца, вы-

яснить не только его основную биографию, но и понять, был ли он в действительности «политически неблагонадежным» русофилом.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В связи с этим нами была предпринята попытка восстановить исторический портрет узника лагеря для интернированных лиц Талергоф посредством создания цифровой базы данных узников лагеря, основанной на сведениях из «Алфавитного указателя жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси» Р.Д. Мировича. Компьютерный анализ полученных сведений и их сравнение с другими источниками по истории вопроса позволят сделать выводы о достоверности наиболее распространенных утверждений об истории Талергофа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Алфавитный указатель...» Р.Д. Мировича содержит упоминания о 9047 персоналиях. Это единственная работа подобного рода, которая значительно превосходит по объемам как официальные списки жертв Талергофа и книгу памяти, доступные в оссуарии на кладбище Фельдкирхен, так и несистематизированные списки «Талергофского альманаха» и так называемые «украинские списки» В. Маковского [1, с. 252]. Группа австрийских исследователей Талергофа приводит данные о том, что всего через лагерь прошли 16400 человек, включая 2000 поляков-беженцев, которые провели в лагере лишь осень 1914 г. [2, S. 114]. Таким образом, работа Р.Д. Мировича, систематизирующая списки узников лагеря для интернированных лиц Талергоф, является весомым историческим источником, позволяющим сформировать относительно ясное представление о портрете узника Талергофа, выяснить его происхождение, социальное положение, убеждения и судьбу в лагере.

Структура источника достаточно проста: по каждому узнику лагеря Р.Д. Мирович при-

водит такие персональные данные, как фамилия, имя и отчество, дата рождения или возраст на момент интернирования, род занятий узника до попадания в Талергоф, населенный пункт, в котором проживал и был задержан узник, дата ареста, иногда – примечательные биографические данные, причина задержания, ключевые события, происходившие с узником в лагере, а также в некоторых случаях – и после освобождения из него, и источник, из которого взяты сведения об узнике.

Отметим, что отдельные пункты Р.Д. Мировичем не были заполнены полностью. Так, в ряде случаев, ему не удалось достоверно установить корректное написание некоторых имен, ввиду чего составитель либо прибегал к использованию нескольких вариантов написания персональных данных, либо оставлял указанные ячейки незаполненными. Не для всех узников Р.Д. Мировичу удалось установить точную дату рождения или возраст на момент интернирования. В предисловии к списку также указано, что многие архивные документы были безвозвратно утеряны в годы Второй мировой войны, поэтому точных сведений о каждом узнике Талергофа быть, к сожалению, уже не может.

Наиболее полными являются данные о местах жительства узников Талергофа, их видах деятельности до пленения, а также о датах ареста. По многим узникам приводятся такие сведения, как условия и события, которые привели к пленению, например, участие в русофильских обществах и кружках, родственные связи узника. Нередко можно встретить решения суда или Талергофской комиссии относительно дальнейшей судьбы пленника. Также Р.Д. Мирович приводит данные о 2624 умерших жертвах австро-мадьярского террора, по многим из которых были установлены истории болезни и официальные причины смерти.

Эти сведения позволяют нам понять то, на каких территориях и в какие временные промежутки австрийские власти проводили наиболее активные репрессии против лиц, подозревавшихся в русофилии и в совершении иных политических преступлений, а

также то, какой была дальнейшая судьба этих узников.

Первоочередной задачей в рамках настоящей работы стала цифровая обработка имеющегося массива данных с последующим анализом полученных сведений. Доступными на момент проведения исследования форматами «Алфавитного указателя...» являлись текстовый файл в форматах .txt и .pdf, в которых последовательно, друг за другом, перечислены имена 9047 человек и сведения о них, однако главной трудностью является то, что сведения эти не упорядочены и не приведены к единому стандарту. Определенный порядок изложения информации Р.Д. Мирovichем прослеживается, однако во многих местах этот порядок нарушается: местность может оказаться в разделах о возрасте или роде деятельности, источники часто перемешаны с биографическими данными, даты не приведены к единому формату, информация о причинах заключения, болезнях, местах погребения не упорядочена.

В связи с этим было принято решение о первичной обработке имеющегося массива данных при помощи программных средств Microsoft Office Excel, где ячейка за ячейкой восстанавливался стройный и последовательный ряд информации по каждому из узников лагеря Талергоф, а также с помощью программных средств WordStat, которые существенно упростили статистические подсчеты.

В процессе упорядочения данных выяснилось, что из 9047 человек, упомянутых в списках Р.Д. Мирovichа, достоверно лишь 8459 прошли именно через Талергоф (в биографии узника есть отметка «Талергоф» или же на заключение указывает ссылка в «Талергофском альманахе» или ином источнике). Что же касается оставшихся 498 человек, то многие из них либо прошли через другие места заключения, к примеру, Терезин (70), Гмюнд (20), тюрьмы Львова (47) и Золочева (16), либо подверглись притеснениям со стороны австрийских властей без интернирования (203). 43 человека были повешены вне Талергофа. Полной информации об оставшихся 142 лицах нет.

Безусловно, практически каждый из оставшихся 498 человек, за исключением тех, кто был убит австрийскими солдатами без помещения в заключение, мог находиться в Талергофе, а информация об этом попросту не сохранилась или не была доступна Р.Д. Мирovichу. Тем не менее мы предприняли попытку учесть и этот фактор в ходе формирования портрета узника Талергофа.

Выяснено, что 75 % пленников Талергофа были мужчинами. Этот факт подталкивает к рассуждениям о назначении лагеря и его восприятии политическими и военными кругами монархии, поскольку мужское население в военное время гораздо более необходимо в зоне боевых действий, нежели в лагере для интернированных, который даже не производил ничего для нужд фронта. Подтверждение этому можно отыскать в работе австрийских исследователей Талергофа, которые ссылаются на частое недовольство со стороны военных Австро-Венгрии, которые предпочли бы иметь большие людские ресурсы на фронте, нежели за колючей проволокой лагеря [2, S. 29].

В лагерь Талергоф попадали лица, как правило, считавшиеся австро-венгерскими властями «политически неблагонадежными», в первую очередь – русофилами. Отдельные исследователи утверждают, что сам лагерь создавался именно под вывеской «для интернированных русин» [3, с. 214].

Вполне логично предположить, что лишение свободы политически «неудобных» граждан, в особенности – русофильски настроенных, могло благоприятно сказаться на атмосфере в действующей армии, поскольку так устранялись очаги недовольства и инакомыслия в рядах вооруженных сил, которые вполне могли стать впоследствии причиной разброда и неповиновения, особенно в случае резкого ухудшения обстановки на фронте и в особенности – в районах проживания русинского населения в Галиции и на Буковине.

При этом встречаются свидетельства, в которых указывается, что военный террор против русинского населения носил неразборчивый характер, а потому в 1915 г. императору Францу-Иосифу даже пришлось изда-

вать специальный указ, в котором рекомендовалось применять карательные меры лишь к тем представителям русин, которые напрямую уличены в сотрудничестве с Россией, а не ко всем, кто называет себя русскими [4, с. 75]. Это утверждение вписывается также и в логику австрийской исследовательской группы, которая не раз подтверждала тот факт, что стремление ослабить влияние русофилов в прифронтовых районах носило эмоциональный, хаотический характер [2, S. 22].

Примечательно, что именно противоречие между политической элитой и военными в 1916 г. выльется в решение выпустить из Талергофа тех лиц, чья вина не была доказана, и многие из этих лиц пополнили затем ряды ландштурма [2, S. 70].

Необходимо также упомянуть о том, каким был статус женщин в лагере. М. Стиббе в одной из своих работ отмечает, что положение женщин в Талергофе было униженным, солдаты нередко вторгались в их личное пространство, а роли женщин в лагере сводились к уборке помещений хозяйственного назначения [5, р. 495]. В целом мы находим подтверждения подобных унижений и в «Талергофском альманахе», где, к примеру, упоминается фотографирование обнаженных женщин австрийскими солдатами в Талергофе¹. Тем не менее свидетельств насильственных действий в отношении женщин в этом источнике мы не находим, за исключением редких упоминаний о бытовом «разврате».

К сожалению, Р.Д. Минович в своей кропотливой работе сумел установить примерный возраст или же точные даты рождения только для половины узников Талергофа: лишь у 4400 жертв австро-мадьярского террора в списках заполнена соответствующая графа. Поэтому мы можем говорить лишь о примерной картине, отражающей особенности возрастной структуры талергофского лагеря.

Среднестатистический талергофец на момент ареста был 46–47 лет от роду. Также

мы провели расчеты, которые позволили определить основные возрастные группы талергофцев. Сформированы они были следующим образом: от 0 до 20 лет, от 21 года до 34 лет, от 35 до 54 лет и старше 55 лет.

Выбор таких возрастных рамок неслучаен: возраст, начиная с которого молодые люди подлежали призыву в армию в Австро-Венгрии, составлял 21 год. Срок прохождения службы, а также пребывание в запасе – 3 года и 9 лет соответственно. Начиная с 1906 г., в Австро-Венгрии начинает практиковаться осуществление пенсионных выплат (в первую очередь, для работников умственного труда, частного сектора и некоторых общественных родов деятельности). Пенсионный возраст для мужчин, в соответствии с австрийским законодательством, устанавливался на уровне 55 лет.

Распределение имеющихся в «Алфавитном указателе...» данных по возрастным группам показало следующие результаты:

- лица в возрасте 0 до 21 года – 6,4 %;
- лица в возрасте от 21 до 34 лет – 12,9 %;
- лица в возрасте от 35 до 54 лет – 44,7 %;
- лица старше 55 лет – 36 %.

Подсчеты демонстрируют, что свыше 3000 человек из тех 4400 узников, чьи даты рождения были установлены Р.Д. Миновичем, были старше 35 лет.

Примечательно, что лица, которым на момент ареста было более 35 лет – это граждане, рожденные до 1880 г. Если же мы посмотрим на структуру галицко-русского движения в период с 1850 по 1880 г., то убедимся, что именно на эти десятилетия пришелся его подъем. Второй виток, но уже несколько отличный от первого по идейным принципам и внешним условиям, выраженным в усилении украинофильства, пришелся на более молодое поколение [6, с. 213]. Именно в этот период происходит оживление деятельности Галицко-русской матицы, регулярно выходят русофильские издания и газеты, в значительной мере усиливается движение за укрепление основ православия и русского языка на Галичине, в частности, предпринимаются попытки освобождения

¹ Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время Всемирной войны 1914–1917 гг. Львов, 1932. С. 85.

местной церкви от католических наслоений, а депутаты местного сейма заявляют о нерушимости связи языка русинского населения с «языком всей Руси» [7, с. 124]. Москвофилы же в этот период стремились открыто проявлять лояльность по отношению к имперской Вене, хотя и не скрывали своих симпатий к России и всему русскому [7, с. 126]. Это и позволяло им некоторое время осуществлять свою деятельность фактически легально, не опасаясь гонений. А начиная с 1880-х гг., австрийские власти (а также местные польские помещики) оказывали более существенное давление на представителей русинского населения, чему свидетельствами могут служить такие события, как так называемый «процесс Ольги Грабарь», связанный с переходом села Гнилички из унии в православие [6, с. 541], гибель отца В.Р. Ваврика [7, с. 126] и ряд других.

Поэтому, на наш взгляд, представители возрастных групп старше 35 лет преобладают в возрастной структуре лагеря Талергоф, поскольку именно они могли быть наиболее активными носителями русофильских идей.

Заслуживает внимания еще один факт. Дети и подростки, пусть и в незначительном количестве, но все-таки присутствовали в лагере Талергоф и стали его невольными жертвами. Как уже было выяснено, их число едва ли существенно превышало 6,5 % от общего количества узников лагеря в списке Р.Д. Мировича (а с учетом того, что лиц до 14 лет в лагере было крайне мало, то еще на порядок меньше).

Обработав имеющиеся данные, мы пришли к заключению, что большинство детей попало в Талергоф вместе со своими семьями: нередкими были случаи, когда австрийские власти попросту сгоняли в талергофский плен всех родственников, проживавших в одном доме. Одним из примеров является семья Екатерины Балы – узница № 142 в списках Р.Д. Мировича, которая была арестована вместе с мужем Иосифом и шестью детьми. Предположительно, у нее же родился в Талергофе сын Павел, который погиб в лагере.

Также среди детей и подростков в списке не обнаружены те, у кого имеется пометка

«русофил». Отечественный исследователь С.Г. Суляк приводит также документальные свидетельства существования в Талергофе так называемых «детских барачков» [8, с. 52], хотя прямых доказательств этому в других источниках мы не находим.

По меньшей мере пятьдесят человек, заключенных в Талергофе, были старше 80 лет. Часть из них отмечена в качестве священников, часть – обычные крестьяне. Трое узников Талергофа были в возрасте 90 и 92 лет, одна из них – женщина, о двух других известно, что они скончались в Талергофе. В.Б. Сурнин приводит свидетельства того, что в лагере пребывал некий прелат Дольницкий, которому было 94 года, однако в списках Р.Д. Мировича мы можем найти лишь священника Исидора Дольницкого, возраст которого 84 года [9, с. 6]. Никаких отметок о симпатиях России и членстве в русофильских организациях применительно к упомянутым узникам не обнаружено.

Р.Д. Мирович приводит практически для каждого узника род деятельности, которым тот занимался до момента заключения в Талергоф. Всего мы располагаем данными по 85 % узников.

Чуть менее половины узников – 49,3 % – отмечены как крестьяне. Далее социальные статусы располагаются следующим образом:

- священники – 7,3 %;
- рабочие – 3,9 %;
- земледельцы – 3,1 %;
- гимназисты – 1,8 %;
- псаломщики – 1,5 %;
- студенты – 1,35 %;
- мещане – 1,32 %;
- учителя – 1,31 %;
- юристы – 1,1 %;
- начальники волостей – 1,1 %.

На все эти виды деятельности приходится чуть более 73 % всех случаев, остальные же проценты распределены среди таких видов деятельности, как: служащие, писари, железнодорожные работники, официалы, доктора, управители, богословы, портные, кузнецы, торговцы, абитуриенты, инженеры, каменщики, купцы, мясники, директора, сек-

ретари, вахмистры, официанты, бухгалтеры, слесари, почтальоны, контролеры, нотариусы, журналисты, плотники, меховщики, депутаты, мельники, пекари.

Примерно каждый десятый узник был связан с церковью. Характерно, что М.К. Чучко в этой связи пишет, что, к примеру, северная часть Буковины осталась практически без клириков [10, с. 90]. Сходные данные приводит и В.Р. Ваврик [11, с. 19].

Что же касается тех мест, откуда происходили и где проживали узники лагеря Талергоф, то география прослеживается достаточно равномерная. Р.Д. Мирович сумел установить географию расселения практически для всех узников в списке, местность не подана была лишь для 537 жертв.

Наибольшее число узников попало в Талергоф из Львова (527); далее в порядке уменьшения до 100 узников на один населенный пункт: Горлицы, Перемышль, Ярослав, Сянок, Жидачев, Старый Самбор, Жолква, Добромиль, Турка, Каменка, Дрогобыч, Рава Русская, Броды, Перемышляны, Бобрка, Леско, Станиславов, Сокаль, Зборов, Сколье, Новый Санч, Калуш, Рудки, Городок, Черновцы, Золочев, Стрый.

По большей части, это именно районы Галичины, Закарпатья, хотя и буковинцы, а также жители Лемковщины также находятся в этом списке, по примерным подсчетам в списках Р.Д. Мировича их было порядка полутысячи из таких местностей, как Черновцы, Серет, Кицмань, Выжица, Новый Санч. Часть этих лиц перечислена в Карпато-русском календаре в 1964 г., а польский исследователь П. Шланта сообщает о примерно 2000 лемков, прошедших через Талергоф [12, р. 7].

Наглядным выглядит противопоставление перечисленных выше населенных пунктов с другими крупными городами нынешней Украины. Так, из ее Центральной и Восточной части упоминается лишь Киев – несколько узников были оттуда родом, однако задержаны они были австро-мадярскими властями именно в Галичине.

Обратимся к датам арестов. Эти сведения позволяют судить о степени интенсивно-

сти арестов лиц, подозревавшихся в русофильстве на каждом из этапов Первой мировой войны. Данные исследования показывают, что наибольшее число узников попало в лагерь именно на начальном этапе Первой мировой войны. Самый масштабный приток узников в Талергоф был зафиксирован в период с августа по сентябрь 1914 г. – около 36 % всех узников, упомянутых в списках Р.Д. Мировича. Австрийская исследовательская группа также сообщает о 6680 узниках (или же около 40 % от всех узников Талергофа, вместе с 2000 поляков-беженцев) к ноябрю 1914 г. [2, S. 34].

Следующий виток активности арестов пришелся на позднюю весну и осень 1915 г. В 1916 г. в Талергоф также прибывали новые узники, однако их число было несопоставимо меньше – чуть более 1 % от общего числа узников. Объяснение тому, что большая часть узников попала в Талергоф именно в начале Первой мировой войны, можно найти в истории самой мировой катастрофы. Именно тогда, в августе–сентябре 1914 г., состоялось одно из крупнейших сражений Великой войны – Галицийская битва. Период короткой оккупации русскими войсками галицийских земель стал роковым для части местного русинского населения. Австрийские власти закономерно применили репрессии ко всем, кто хоть как-то был связан с русскими войсками в этот период [13, с. 188]. Также мы можем наблюдать, что аресты происходили накануне и во время Брусиловского прорыва 22 мая – 7 сентября 1916 г. Таким образом, нарастание репрессий против русинского населения в годы Первой мировой совпадает в том числе и с событиями, происходившими на фронте.

Перейдем к количеству погибших. Лагерь Талергоф, по данным, собранным в «Алфавитном указателе...», стал последним пристанищем как минимум для 2079 человек. Установлено, что еще 545 числятся умершими или убитыми вне стен лагеря. По данным австрийской исследовательской группы и официальных списков, умерших в Талергофе среди интернированных было 1767 лиц, сре-

ди администрации лагеря – 12, а также еще 312 военнопленных, которые проходили лечение здесь после закрытия лагеря [2, S. 135]. Примечательно, что В.Р. Ваврик говорил о 20 тысячах заключенных в Талергофе, 15 % из которых (около 3 тысяч) погибли за годы интернирования [11, с. 47], что превышает официальные данные и сведения, приводимые Р.Д. Мировичем в своих списках.

По данным австрийской исследовательской группы, в период до апреля 1915 г. в лагере скончались 1324 человека. Данные Р.Д. Мировича сходные: 1113 человек. Данные о первой смерти в лагере в источниках также совпадают – 5 сентября 1914 г.

Несущественное различие в оценке количества жертв лагеря может скрываться в источниках личного происхождения Р.Д. Мировича. Дело в том, что, по нашим подсчетам, в том же «Талергофском альманахе» упоминаются порядка 1700 жертв Талергофа, что практически полностью совпадает с данными исследовательской группы, поскольку среди умерших в лагере были, к примеру, евреи, имена которых не упоминаются больше ни-

где, кроме официальных списков жертв. Помимо этого, чуть большее количество жертв у Р.Д. Мировича может быть следствием того, что родственники узников могли не знать достоверно, где скончался тот или иной человек, помещая его предположительно в Талергоф.

«Алфавитный указатель...» Р.Д. Мировича содержит также сведения о причинах смерти большинства узников, а также небольшие отрывки истории болезней, от которых они могли скончаться. Аналогичные данные приводит и австрийская исследовательская группа. В табл. 1 размещены эти данные для дальнейшего сравнения.

Очевидно, что данные двух исследований практически совпадают. Несущественные различия в определении причин смерти можно охарактеризовать следующим образом. Австрийская медико-патологоанатомическая практика отличалась от галицийских трактовок причин смерти узников и более поздней советской системы здравоохранения, к которой принадлежал уже сам Р.Д. Мирович. К примеру, та же гангрена может быть отнесена

Таблица 1
Данные о заболеваниях – причинах смерти узников лагеря Талергоф

Table 1

Data on diseases – causes of death of prisoners of the Talerhof camp

Заболевание	Умершие, австрийские данные	Умершие, данные Р.Д. Мировича
Сыпной тиф	768	725
Заболевания органов дыхания	196	217
Заболевания пищеварительной системы	30	20
Заболевания сердечно-сосудистой системы	208	213
Маразм	174	222
Ревматизм	–	1
Туберкулез	119	106
Заболевания почек	–	42
Отеки	75	–
Миксэдема	15	–
Дизентерия	26	24
Холера	20	18
Физический урон, увечья	8	–
Паралич	–	6
Желтуха	–	1
Гангрена	–	11
Эпилепсия	–	3
Менингит	–	1
ИТОГО	1639	1610

к разделу «физические увечья», отеки – к заболеваниям почек или легких. Кроме того, как отмечает уже австрийская исследовательская группа, в связи с огромным числом ежедневных смертей в периоды вспышек тифа врачи могли неверно определить реальную причину смерти либо не вдаваться в ее подробности [2, S. 129]. Примечательно, что данные, приводимые В.Р. Вавриком о семерых заключенных, которых «загрызли вши», не подтверждаются полученными результатами [11, с. 36].

Большой интерес представляют формулировки, которые применяются к описанию того, как узник принял смерть:

- повешен – 95 случаев;
- заколот – 19 случаев;
- убит – 28 случаев;
- замучен – 7 случаев;
- «погиб от заблудшей пули» – 1 случай.

Данные формулировки позволяют нам понять, что насильственные смерти все-таки имели место в лагере Талергоф. Исследовательская группа отмечает, что таких ситуаций за всю историю лагеря было несколько (при этом не называется точное число насильственных смертей в лагере), и каждый из подобных случаев подвергался тщательному расследованию [2, S. 83].

Наконец, мы приблизились к главному вопросу настоящего исследования: был ли узник Талергофа русофилом. Работа австрийской исследовательской группы не дает ответа на этот вопрос. В «Алфавитном указателе...» мы находим следующие упоминания:

- «русифил» – 612 случаев;
- «москвофил» – 43 случая;
- «руссофил» – 70 случаев.

Таким образом, лишь 725 узников из упомянутых Р.Д. Мировичем лиц были напрямую обвинены в русофильстве. Мы также можем несколько расширить спектр рассматриваемых терминов и добавить к ним близкие по смыслу:

- «симпатизировал России» – 12 случаев;
- «связь с москалями» – 33 случая.

Для многих русофилов Р.Д. Мирович приводит основание, из-за которого австро-магьярские власти считали то или иное лицо причастным к связям с Россией. Среди основных – членство в русофильских организациях:

- общество им. М. Качковского – 368 упоминаний;
- русские читальни – 11 упоминаний;
- галицко-русская матица – 76 упоминаний;
- москвофильская бурса – 35 упоминаний;
- ставропигийское братство – 101 упоминание.

Кроме того, в эти списки можно включить и такие категории, как «политически неблагонадежный» (70 упоминаний) и «православный» (77 упоминаний), однако в последнем случае необходимо уточнить детали биографии для каждого интернированного лица, чтобы иметь возможность достоверно выявить русофильский контекст.

Таким образом, лишь каждый десятый узник лагеря Талергоф был обвинен в русофильстве. Не будет ошибочным предположение, что многие узники вполне могли тайно симпатизировать России и русофильским идеям, состоять в каких-либо русофильских обществах, однако этому нет непосредственного подтверждения в исследуемом источнике.

ВЫВОДЫ

Проведенная работа демонстрирует, что формально в лагере Талергоф лишь каждый десятый узник был документально уличен в русофильстве. Большинство узников – лица мужского пола, чаще всего крестьяне и священники старше 35 лет из Галиции, большей части из которых так и не были предъявлены официальные обвинения. Основная масса погибших в лагере перенесла тиф – болезнь, которая возникает ровно в тех условиях, которые существовали в лагере. Их смерть не была спланированным актом уничтожения, а явилась следствием административных просчетов и военной дезорганизации.

Список источников

1. *Маковский В.* Талергоф. Воспоминания и документы. Львов, 1934. 260 с.
2. *Hoffmann, G., Goll N.-M., Lesiak P.* Thalerhof 1914–1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer. Herne: Gabriele Schäfer Verlag, 2010. 212 S.
3. *Клопова М.Э.* Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев Востока» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. М., 2012. С. 209–219.
4. *Бобров А.А.* От Волыни – до Подыни – легендарный Брусиловский. М., 2014. 440 с.
5. *Stibbe M.* Enemy aliens, deportees, refugees: internment practices in the Habsburg Empire, 1914–1918 // *Journal of Modern European History*. 2014. Vol. 12. P. 479–499.
6. *Вендланд А.В.* Русофилы в Галичине. Украинские консерваторы между Австрией и Россией в 1848–1915. Львов, 2015. 688 с.
7. *Пашаева Н.М.* Русское движение в Галичине XIX–XX в. Постановка проблемы // *Славянский альманах*. 1999. № 1. С. 117–132.
8. *Суляк С.Г.* Русины в Период первой мировой войны и русской смуты // *Русин*. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
9. *Сурнин В.Б.* Талергоф // *Карпатская Русь*. 2016. № 5 (78). С. 6–7.
10. *Чучко М.К.* Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны // *Русин*. 2014. № 3 (37). С. 85–108.
11. *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. Филадельфия, 1966. 97 с.
12. *Szalanta P.* The Lemkos' Great War: Wartime Experiences of the Lemko People, 1914–1918 // *Acta Poloniae Historica*. 2016. Vol. 113. P. 7–36.
13. Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств / отв. ред. М. Волос, Г. Шкундин. М., 2012. 456 с.

References

1. *Makovskiy V.* *Talergof. Vospominaniya i dokumenty* [Talerhof. Memoirs and Documents]. Lviv, 1934, 260 p. (In Russian).
2. *Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P.* *Thalerhof 1914–1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer*. Herne, Gabriele Schäfer Verlag Publ., 2010, 212 S. (In German).
3. *Klopova M.E.* Terezin i Talergof: tragediya «tirol'tsev Vostoka» [Terezin and Talerhof: the tragedy of the “Tyroleans of the East”]. *Narody Gabsburgskoy monarkhii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizheniy k sozdaniyu natsional'nykh gosudarstv* [The Peoples of the Habsburg Monarchy in 1914–1920: From National Movements to the Creation of National States]. Moscow, 2012, pp. 209–219. (In Russian).
4. *Bobrov A.A.* *От Volyni – do Podyni – legendarnyy Brusilovskiy* [From Volhynia to Podynia – the Legendary Brusilovsky]. Moscow, 2014, 440 p. (In Russian).
5. *Stibbe M.* Enemy aliens, deportees, refugees: internment practices in the Habsburg Empire, 1914–1918. *Journal of Modern European History*, 2014, vol. 12, pp. 479–499.
6. *Vendland A.V.* *Rusofily v Galichine. Ukrainskiye konservatory mezhdu Avstriey i Rossiyey v 1848–1915* [Russophiles in Galicia. Ukrainian Conservatives between Austria and Russia in 1848–1915]. Lviv, 2015, 688 p. (In Russian).
7. *Pashayeva N.M.* Russkoye dvizheniye v Galichine XIX–XX v. Postanovka problemy [Russian movement in Galicia in the 19th–20th centuries. Statement of the problem]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac], 1999, no. 1, pp. 117–132. (In Russian).
8. *Sulyak S.G.* Rusiny v period pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusyns during the First World War and Russian troubles]. *Rusin*, 2006, no. 1 (3), pp. 46–65. (In Russian).
9. *Surnin V.B.* Talergof [Talerhof]. *Karpatskaya Rus'* [Carpathian Rus], 2016, no. 5 (78), pp. 6–7. (In Russian).
10. *Chuchko M.K.* Pravoslavnaya tserkov' na Bukovine vo vremena Pervoy mirovoy voyny [Orthodox Church in Bukovina during First World War]. *Rusin*, 2014, no. 3 (37), pp. 85–108. (In Russian).

11. Vavrik V.R. *Terezin i Talerhof. K 50-letney godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Talerhof. To the 50th Anniversary of the Tragedy of the Galician-Russian People]. Philadelphia, 1966, 97 p. (In Russian).
12. Szlanta P. The Lemkos' Great War: Wartime Experiences of the Lemko People, 1914–1918. *Acta Poloniae Historica*, 2016, vol. 113, pp. 7-36.
13. Volos M., Shkundin G. (executive eds.). *Narody Gabsburgskoy monarkhii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizheniy k sozdaniyu natsional'nykh gosudarstv* [The peoples of the Habsburg Monarchy in 1914–1920: from National Movements to the Creation of Nation-States]. Moscow, 2012, 456 p. (In Russian).

Информация об авторе

Юрлов Александр Романович, аспирант, кафедры всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-0356-5800](https://orcid.org/0000-0003-0356-5800), yurlovsasha@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.12.2021
Одобрена после рецензирования 23.03.2022
Принята к публикации 04.04.2022

Information about the author

Aleksandr R. Iurlov, Post-Graduate Student, General and Russian History Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-0356-5800](https://orcid.org/0000-0003-0356-5800), yurlovsasha@mail.ru

The article was submitted 21.12.2021
Approved after reviewing 23.03.2022
Accepted for publication 04.04.2022